

ванъ былъ въ домъ надсматривающей за часовнею дѣвицы — старообрядки, уважаемой всѣмъ обществомъ старообрядцевъ Целагеи Ѳеодоровой Ведениктовой, которая уговаривала его сильно, чтобы онъ оставилъ свою вѣру и перебрался къ нимъ въ расколъ, читала ему при увѣщаніяхъ своихъ житія святыхъ отецъ и прочія церковныя книги, а онъ ихъ слушалъ съ великимъ вниманіемъ и понравилось ему быть съ старовѣрскомъ обрядѣ, а потому онъ изъявилъ на то свое согласіе. По наставленію Ведениктовой пошелъ онъ въ Спасовъ постъ въ деревню Никулину Щигровскаго уѣзда, въ которой живутъ старообрядцы и есть ихъ часовня. Тамъ онъ нѣсколько разъ посѣщалъ часовню, когда въ ней тамошнимъ попомъ отправлялась служба; по окончаніи служенія онъ *) объявилъ попу, что ходилъ въ молельню въ Курскѣ въ Кожевной и желаетъ обратиться въ старовѣрскій обрядъ. Попъ, поставивъ его въ часовнѣ, одѣвши въ ризу, вынесъ крестъ и Евангеліе на средину часовни съ налойникомъ, читалъ ему молитвы, *дѣлалъ миропомазаніе* и приказалъ въ твердости духа исполненія обряда укрѣпить себя цѣлованіемъ Евангелія и креста и при семъ сказалъ ему, что нынѣ онъ, Верховомовъ, заслужилъ и заслужитъ отпущеніе души его грѣховъ и приказалъ въ православную церковь уже отъ тѣхъ поръ не ходить, а наблюдать твердо обрядъ свой, а въ недоумѣніяхъ спрашиваться у стариковъ. Съ тѣхъ поръ онъ, Верховомовъ, никогда не ходилъ въ церковь, а бывалъ въ часовняхъ по разнымъ мѣстамъ, гдѣ онѣ существуютъ... Два года тому назадъ обратилъ жену свою Прасковью въ старовѣрскій обрядъ для принятія котораго она ѣздила въ Калужскую губернію, въ мѣстечко Сухиничи къ старообрядческому попу. Старалъ

*) т. е. Верховомовъ.

ся я, говорить Верховомовъ, дабы спасти себя въ дѣлахъ богоугодныхъ, подговаривать перейти въ старообрядчество другихъ людей, но никто на это не согласился“.

При разслѣдованіи дѣла, сосѣди моленной, находившейся въ Кожевной, показали, что обществомъ этой моленной увлекаются многіе изъ единовѣрческой церкви. Они указали даже на нѣсколькихъ лицъ, перешедшихъ изъ единовѣрцевъ въ общество Ведениктовой молельни; но эти послѣдніе утверждали, что они искони лѣтъ принадлежали и принадлежатъ не къ единовѣрію, но старообрядчеству.

М. Н. Муравьевъ, рассмотрѣвши доставленные ему слѣдственные бумаги о молельняхъ въ Кожевной, препроводилъ слѣдующее предписаніе уѣздному суду.

„Усматривая, что мѣщанка Целагея Ведениктова, не имѣя промысла, достаточно обезпечивающаго содержаніе ея, получаетъ главный доходъ отъ молитвеннаго дома, какъ слѣдствіемъ подтверждается, и сверхъ того, по собственному сознанію ея, дозволила себѣ, безъ разрѣшенія начальства, вновь исправить состоящую при домѣ ея холодную часовню, чѣмъ самымъ, поддерживая существованіе оной, способствуетъ распространенію раскола, чрезъ что были увлечены въ оный мѣщанинъ Подлевкинъ и крестьянинъ Верховомовъ, я предписываю суду, рассмотрѣвъ дѣло Ведениктовой, постановить о немъ приговоръ, вещи же и книги изъ подлежащей уничтоженію часовни передать въ духовную консисторію“.

Министру же внутреннихъ дѣлъ М. Н. Муравьевъ слѣлалъ о принятыхъ имъ мѣрахъ въ Курскѣ противъ раскола слѣдующее представленіе:

„Въ дополненіе моего донесенія 14 декабря 1837 года по дѣлу объ одновѣрцахъ Суржиновыхъ, судивъ